

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-131

«Повесть о споре мальчика-сироты с девятью витязями Чингисхана»: скрытый смысл и особенности стихосложения**Г. Галбаяр*Монгольский государственный университет,
Монголия, 14200, Улан-Батор, Университетская ул., 1

Для цитирования: Галбаяр Г. «Повесть о споре мальчика-сироты с девятью витязями Чингисхана»: скрытый смысл и особенности стихосложения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2022. Т. 14. Вып. 3. С. 488–506.
<https://doi.org/10.21638/spbu13.2022.307>

«Повесть о споре мальчика-сироты с девятью витязями Чингисхана» дошла до нас через монгольские исторические источники XVII–XVIII вв. «Золотое сказание» (*Алтан товч*) Лубсан Данзана (1655) и «Хрустальные четки» (*Болор эрхи*) Рашипунцага (1774–1775). Цель статьи — анализ переводов, публикаций и исследований этого поэтического произведения, а также выдвижение и доказательство тезиса о том, что «Повесть» — не просто диалог Чингисхана со своими сподвижниками о пользе и вреде алкоголя, а произведение, имеющее гораздо более глубокий смысл. Во-первых, монгольские исторические источники содержат сведения о происхождении девяти витязей Чингисхана, их дружбе, заслугах и кончине. Основываясь на них, мы делаем вывод о том, что события, описываемые в «Повести», имели место в 1206–1207 гг. Во-вторых, мнения современников о сподвижниках Чингисхана, упомянутых в «Повести», расходятся. По словам одних, они не употребляли алкоголь, честно выполняли свой долг, а с Чингисханом бескорыстно дружили с юных лет, в то время как пользовавшиеся доверием государственные министры Сорхоншара, Зэлмэ, Чумэргэна, Хархиру и Шихухутуга утверждали, что они употребляли алкоголь, стремились к личной выгоде и вошли в доверие к Чингисхану с корыстными целями. В-третьих, мы ставим перед собой задачу проанализировать порядок, в котором произносятся слова об алкоголе, и на этом основании выявить символику значимости чинов, званий и сословий для монгольского общества. В-четвертых, мы считаем, что одним из фундаментов могущества империи Чингисхана была его способность прислушиваться к словам про-

* Перевод с монгольского языка, аннотация, подготовка статьи к печати кандидата филологических наук М. П. Петровой (magiar2001@mail.ru).

стых людей и учитывать их взгляды при выстраивании государственной политики. В-пятых, поскольку рассматриваемый текст имеет глубокий скрытый смысл и изложен поэтическим языком, он сохраняет многие важные черты монгольской системы стихосложения XIII в. Статья представляется актуальной, так как содержит анализ ранее не изученных аспектов содержания и стихотворной формы «Повести о споре мальчика-сироты с девятью витязями Чингисхана».

Ключевые слова: Лубсан Данзан, Золотое сказание, Чингисхан, девять витязей, мальчик-сирота, Чандага цэцэн ноён, скрытый смысл, монгольское стихосложение.

Введение

С древних времен монгольская история и литература создавались в синтезированной форме. Классическим примером является непревзойденный историко-литературный памятник «Сокровенное сказание монголов» (1128 /1240?/) [1]. Более поздние хроники XVII–XVIII вв. для изложения истории использовали классические литературные традиции. Российский монголовед Б. Я. Владимирцов писал: «...как не умерли совершенно эпические настроения среди монгольского народа, сохранившись и получив то или другое развитие среди разных монгольских племен, так не умерли и заветы этой когда-то славной литературы эпической поры. Заветы эти продолжали теплиться и далее, и потом, когда прошли уже века, они вдруг вспыхивали местами и проявлялись, хотя и редко, в форме литературных произведений, довольно близко подходивших к первым созданиям монгольской степной аристократии» [2, с. 96]. «Если посмотреть на историю средневековой Монголии в целом, то можно сказать, что наиболее развитыми периодами были XVII–XVIII века. Примерами произведений, составленных в это время могут быть “Краткое золотое сказание” (*Хаадын үндсэн хураангуй Алтан товч*) неизвестного автора (1604–1627), «Желтая история» (*Эртний монголын хаадын үндэсний их Шар тууж*) (1643–1662), написанная летописцем Лубсан Данзаном “Золотое сказание” (*Эртний хаадын үндэслэсэн төр ёсны зохиолыг товчлон хураасан Алтан товч*) (1655), написанное ордосским историком Саган Цэцэнгом сочинение “Драгоценное сказание” (*Эрдэнийн товч*) (1662), “История Асрагчи” (*Асрагчи нэртийн түүх*) Джамбы (1677), “Хрустальные четки” (*Дай Юань улсын Болор эрхи*) Рашипунцага (1774–1775) и множество других значительных монгольских исторических сочинений. Историческая литература этого периода является не только хроникой, но и важным литературным памятником, так как в ней широко используются устная и письменная традиции того времени» [3, с. 215].

Одним из важнейших памятников монгольской литературы XIII в. является «Повесть о споре мальчика-сироты с девятью витязями Чингисхана», дошедшая до нас через монгольские исторические летописи. Она содержится в «Кратко изложенной официальной истории древних монгольских ханов — Золотом сказании» (*Эртний хаадын үндэслэсэн төр ёсны зохиолыг товчлон хураасан — Алтан товч*), которую исследователи кратко называют «Лу “Золотое сказание”» (*Лу «Алтан товч»*) [4, с. 154–161] и в «Хрустальных четках империи Юань» (*Дай Юань улсын Болор эрхи*) Рашипунцага, кратко называемом «Хрустальные четки» (*Болор эрхи*) [5, с. 30–38].

«Повесть о споре мальчика-сироты с девятью витязями Чингисхана» ввел в научный оборот русский монголовед А. М. Позднеев, опубликовав ее в своей «Монгольской хрестоматии для первоначального преподавания» (1900) [6, с. 42–46]. Вслед за А. М. Позднеевым перевод «Повести» на русский язык выполнил С. А. Козин. Перевод предвлялся введением с подробным историко-лингвистическим анализом имен ближайших сподвижников Чингисхана [7, с. 169–173]. Затем немецкий монголовед В. Хайссиг опубликовал свой краткий перевод «Хрустальных четок» на немецкий язык [8]. Впоследствии российский монголовед Н. П. Шастина в научной статье представила сравнительно-исторический анализ «Повести» и опубликовала перевод этого произведения на русский язык в качестве приложения [9, с. 137–139]. В 1973 г. Шастина выпустила перевод на русский язык «Золотого сказания» Лувсан Данзана, сопроводив его обширными комментариями и предисловием [10, с. 4–19].

Монгольские исследователи впервые опубликовали это произведение в сборнике «Жизнеописание Чингисхана» (*Чингис хааны цадиг*) [11, с. 138–147]. После этой публикации академик Ц. Дамдинсурэн в первом томе «Истории монгольской литературы» (*Монголын уран зохиолын тойм*) высказал предположение, что смысл этого текста более глубокий, чем просто спор об алкоголе [12, с. 88]. В 1959 г. Ц. Дамдинсурэн полностью опубликовал этот поэтический текст в сборнике «Сто избранных образцов монгольской литературы» (*Монгол уран зохиолын дээж зуун билиг оршвой*) [13, с. 39–45]. Если в «Золотом сказании» рассказывается об имевшем место реальном историческом событии — словах Чингисхана об алкоголе, обращенных к девяти витязям и произнесенных во время пира в честь дня рождения его третьего сына Угэдэя¹, то в «Хрустальных четках» Рашипунцага говорится об этих же словах, адресованных девяти витязям, но произнесенных на празднике в честь появления жеребят. Фольклорист Ш. Гаадамба, уточняя этот важный исторический вопрос, приводит слова из 118-й главы «Истории империи Юань» (*Юань улсын судар*): «В те времена в северных землях (в Монголии. — Г. Г.) алкоголя не было» [14, с. 20а] — и подкрепляет их фактами [15, с. 3–22]. Известный исследователь Д. Цэрэнсодном, в свою очередь, обращая особое внимание на скрытый смысл «Повести», утверждает: «... тот факт, что мальчик-сирота одержал победу в словесном поединке с девятью высокопоставленными вельможами и достиг аристократического уровня, можно считать отражением прогрессивных народных взглядов» [3, с. 230].

При рассмотрении исторических источников, в которых содержится «Повесть», становится очевидным то, что «Золотое сказание» Лувсан Данзана содержит самую раннюю художественную версию этого произведения. Рукописный оригинал «Золотого сказания» в настоящее время хранится в Фонде редких рукописей и ксилографов Монгольской государственной национальной библиотеки под названием *Erten-ü qad-un ündüsülegsен törü yosun-u jokiyal-i tobčilan quriyaуsan altan tobči kemekü orusibai* (шифр 24/63). Этот источник оцифровали и издали исследователи Ш. Бира [16, с. 1–177] и Ш. Чоймаа [17, с. 581–760]. В 2011 г. рукописный оригинал «Золотого сказания» вошел в Фонд всемирного наследия ЮНЕСКО.

¹ Угэдэй (1186–1241) — третий сын Чингисхана. Правил Великой Монгольской империей после Чингисхана (1229–1241).

Скрытый смысл «Повести о споре мальчика-сироты с девятью витязями Чингисхана»

В «Повести» рассказывается о том, как Чингисхан созвал девять своих министров и спросил их о пользе и вреде алкоголя. Пять министров (Сорхоншар, Чумэргэн, Зэлмэ, Хархиру, Шихихутаг) назвали алкоголь полезным, а четверо (Мухулай, Борчи, Зэв, Борохул) сказали, что он вреден. Тогда сидевший у дверей мальчик-сирота, спросив разрешения у Чингисхана, сказал: «Если много пить водки, то вредно, если немного и в меру пить — то полезно» [4, с. 158]. Министр по имени Чандага цэцэн, присутствовавший на пиршестве, укоряет мальчика: «Великий хан созвал на пир девять своих витязей, а ты, несчастный мальчик-сирота, тут встречаешь». Но Чингисхан вступился за мальчика: «Истинную правду, которую не смогли высказать девять моих министров, мальчик-сирота высказал» [4, с. 161].

Если рассмотреть исторические источники начиная с «Сокровенного сказания монголов» [4, с. 10–150; 5, с. 8–58; 18, р. 30–138; 19, с. 40–49; 20, с. 21–25; 21, с. 4–127; 22, с. 14–85; 23, с. 28–131; 24, с. 115–135], то можно определить, что Чингисхан созвал своих девять витязей в 1206 г. Так, в § 202 «Сокровенного сказания монголов» говорится: *tedüi sisgei to'urqatu ulus-i sidurqutqaju bars jil onan-nu teriün-e quriju yisün költü caqaan tuq bay'ulu'an cinggis qahan-na qan nere tende ökba muhali-du gui-ong nere tende-gü ökba* («Когда он направил на путь истинный народы, живущие за войлочными стенами, то в год Барса (1206) состоялся сейм и собрались у истоков реки Онона. Здесь воздвигли девятибунчужное белое знамя и нарекли ханом Чингисхана. Тут же и Мухулая нарекли Го-ваном (государственным ваном. — Г.Г.)»² [18, р. 113–114]. В § 202–238 говорится о том, что Чингисхан разделил свою империю на десятки, сотни и тысячи и учредил гвардию. А тех, кто внес значительный вклад в становление Великой Монгольской империи награждал особо. Так, в § 219 говорится: «Потом Чингисхан обратился к Сорган-Шираю и сказал ему: “В юности моей я был схвачен братоненавистником Таргутай-Кирилтухом. Зная, что я схвачен из-за братской зависти и ненависти, Сорган-Шира с сыновьями своими Чилауном и Чимбо спрятал меня, поручив заботам своей дочери Хадаан. Об этой услуге, об этом вашем благодеянии я не забываю ни темною ночью — во сне, ни белым днем — наяву. Вы же поздновато перешли ко мне от Тайчиудов. Какая же награда вам будет теперь по душе?»»³ [18, р. 125–126] На этом пиру Сорхоншару был пожалован титул одного из девяти витязей, что свидетельствует о том, что в древние времена спасение человеческой жизни ценилось как высшая добродетель.

Рассказ о Сорхоншаре, а также упоминание о том, что Мухулай был удостоен титула Го-ван, служат доказательством написания «Повести» после 1206 г., когда была основана Великая Монгольская империя. Ведь в «Повести» Сорхоншар упоминается уже как один из девяти витязей, а Мухулай — как уже имеющий титул Го-вана. Во всех исторических источниках начиная с «Сокровенного сказания монголов» в 1207 г., год зайца, «Борохул же был послан против Хори-Туматского племени. Хори-Туматами правила по смерти своего мужа Дайдухул-Сохороа — Ботохой-Толстая. Достигнув их пределов, Борохул-нойон с тремя людьми пошел вперед своего войска. Когда он поздно вечером пробирался по невообразимо трудной лесной

² Цит. по: Сокровенное сказание монголов. Пер. Козина С. А. М., 2002. С. 101.

³ Там же. С. 112.

тропинке, туматские дозорные в тылу у него устроили засаду на этой самой тропе, захватили его и убили. Узнав об убийстве Борохула, Чингисхан очень разгневался»⁴ [18, р. 137]. Опираясь на эти факты, можно с точностью сказать, что пир Чингисхана с девятью витязями Мухулаем, Борчи, Зэвом, Борохулом, Сорхоншаром, Чумэргэном, Зэлмэ, Хархиру и Шихихутагом имел место в 1206–1207 гг. и события, описываемые в «Повести», относятся к 1206–1207 гг.

Как свидетельствуют монгольские исторические источники, алкоголь издавна использовался монголами для определенных целей, в том числе для церемоний. Поэтому представляется сомнительным то, что монголы, к тому времени уже широко употреблявшие алкоголь в повседневной жизни и усвоившие определенную алкогольную культуру собрались на пир к великому хану лишь для того, чтобы поговорить о пользе и вреде винопития. У молодой Монгольской империи было много важных дел и помимо этого. Представляется, что девять витязей, используя модель пира, обсуждали государственные дела так, как если бы они обсуждали пользу и вред алкоголя.

Отражение сановной иерархии в «Повести о споре мальчика-сироты с девятью витязями Чингисхана»

«Повесть» состоит из двух частей. В первой части девять витязей Чингисхана в свободной манере, по очереди, без приглашения или принуждения рассуждают о пользе и вреде алкоголя (рис. 1).

Сорхоншар, Чумэргэн, Зэлмэ, Хархиру и Шихихутаг высказались за употребление алкоголя, мотивируя это тем, что питье хорошо и приятно, от него можно получить удовольствие. В свою очередь, Мухулай, Борчи, Зэв и Борохул сказали, что употреблять алкоголь неправильно и нужно единодушно выполнять свою работу на благо монгольского государства без алкоголя. Здесь необходимо на основе монгольских исторических источников, в первую очередь «Сокровенного сказания монголов», кратко проследить историю происхождения, дружбы с Чингисханом и возведения в сан министров всех девяти витязей.

Борчи. Подружился с Чингисханом еще в годы его детства и юности, когда тот носил имя Тэмучжин. Параграф 90 «Сокровенного сказания монголов» рассказы-

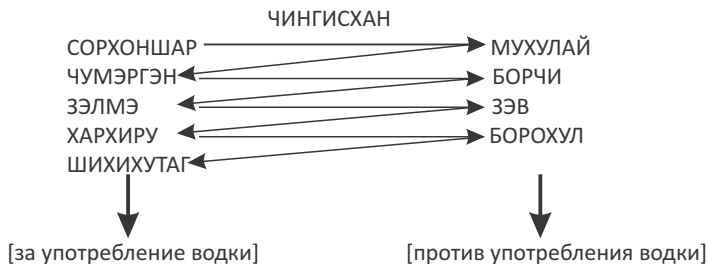

Рис. 1. Очередность высказываний витязей об употреблении водки согласно тексту «Повести о споре мальчика-сироты с девятью витязями Чингисхана»

⁴ Перевод по: [25, с. 123–124].

вает о том, что когда Тэмучжин и его семья кочевали в районе Синего озера Черного Сердца, у ручья Сэнгур, на южном склоне горы Бурхан-Халдун, конокрады угнали у них восемь соловых мерингов. Тэмучжин бросился в погоню и повстречал Борчи. Они вместе пригнали табун обратно [18, р. 34–35]. Этот эпизод описан во многих источниках.

Зэлмэ. Тэмучжин, достигнув совершеннолетия, женился на Бортэ, сосватанной ему отцом. В это же время он преподнес свою черную соболю доху керейтскому Ван-хану, надеясь на его помощь. Когда слава Тэмучжина начала распространяться по степи, старик-урианхадаец Чжарчиудай привел к нему своего сына по имени Зэлмэ. Уже тогда старик предвидел, что Тэмучжин станет великим человеком и решил подружиться с ним своего сына. Этот факт изложен в § 97 «Сокровенного сказания монголов» [18, р. 37–38]. Примерно так же этот эпизод описывается в «Золотом сказании» и в других источниках.

Шихихутаг. В § 135 «Сокровенного сказания монголов» история знакомства и дружбы с Шихихутагом изложена следующим образом: «Когда наши воины громили и опустошали татарские стойбища в укреплении Нарату-шитуен, они нашли брошенного в стойбище маленького мальчика. На нем была надета подбитая сободем телогрейка штофной парчи, с золотыми кольцами на шнурах. Чингисхан подарил его матери Оэлун, которая сказала: “Это, должно быть, ребенок благородных родителей, видно сразу, что он благородной крови!” И она взяла его к себе на воспитание в качестве младшего, шестого по счету, к пятерым детям своим. А назвала она его именем Шикикан-Хутуху»⁵ [18, р. 57–58].

Мухулай, Борохул. В § 137 «Сокровенного сказания монголов» рассказывается о том, что когда Чингисхан возвращался домой, покончив с Сача и Тайчу и гоня перед собой пленных чжуркинцев, то среди них оказались потомки его родственника Амбагай-хана братья Мухулай и Борохул [18, р. 59].

Сорхоншар. В § 146 «Сокровенного сказания монголов» рассказывается о том, как к Чингисхану явился Сорхоншар, который когда-то помог мальчику Тэмучжину освободиться из тайчиудского плена [18, р. 65–66].

Зэв. Меткий стрелок Бэсудийн Зургадай во время сражения при Койтене прострелил шейный позвонок беломордому саврасому коню Чингисхана. Но затем он признал свою вину, доверился великому хану и подружился с ним. Сменив свое прежнее имя на Зэв, он стал одним из девяти витязей Чингисхана. Об этом повествует § 147 «Сокровенного сказания монголов» [18, р. 66–67].

Чумэргэн, Хархиру. О том, как и когда чжурчжит Чумэргэн и ойрат Хархиру познакомились и вошли в доверие к Чингисхану, нет никаких сведений ни в одном известном монгольском историческом источнике. В конце XII — начале XIII в. монголы сражались с племенами чжурчжитов и ойратов и подавили их сопротивление. По всей видимости, Чумэргэн и Хархиру были захвачены в плен еще детьми, а затем познакомились и подружались с Чингисханом.

Таким образом, Борчи и Мухулай были друзьями детства Чингисхана, а Борохул, будучи ребенком, попал в плен к Чингисхану из родственного ему племени чжуркинцев. Исторические источники содержат сведения о том, что в дальнейшем все свои силы он отдал Чингисхану и служил ему верой и правдой. Так, в § 172 «Со-

⁵ Перевод по: [25, с. 48–49].

кровенного сказания монголов» говорится о том, что Чингисхан сражался с племенем керейтов. Наступила ночь, и войско расположилось на ночлег. Утром стали считать своих. Оказалось, что нет Угэдэя, Борчи и Борохула. «Вместе с Огодаем, — говорит Чингисхан, — вместе с Огодаем остались и верные Боорчу и Борохул. Почему же все они отстали: живы ли или погибли?»⁶ [18, р. 84]

Чингисхан не мог не беспокоиться о судьбе своего сына Угэдэя, который должен был в будущем наследовать его престол. Также в § 214 рассказывается о том, что Борохул спас жизни сыновей Чингисхана Тулуя и Угэдэя. «Так, в благодарность за труды и заботы моей матери, он спас жизнь двоим моим сыновьям!»⁷ [18, р. 123] За это Чингисхан приказал не вменять в вину Борохулу девять его проступков. Однако отметим, что в «Повести» четко описывается происхождение семи витязей, а о Шихихутаге и Борохуле, плененных в детстве и воспитывавшихся матушкой Оэлун, ничего об этом не говорится. Вероятно, Чингисхан изначально причислял их к своему племени. Ведь Борчи, Мухулай и Борохул были самыми доверенными военачальниками Чингисхана. Поэтому он возвел их и старшего сына Сорхоншара Чулуна в звание витязей-кулюков [18, р. 120].

Больше всех Чингисхан доверял Борчи, Мухулаю и Борохулу, был с ними очень близок, о чем свидетельствуют не только исторические источники, но и художественные произведения. Например, в одном из важных памятников монгольской литературы XIII в. «Легенде о победе над тремястами тайчиудцами» [4, с. 88–98], содержащейся в «Золотом сказании» наряду с «Повестью о споре мальчика-сироты с девятью витязями Чингисхана», рассказывается о том, что, когда однажды Чингисхан собрался на охоту и захотел, чтобы девять его витязей добровольно встали по трое, они распределились следующим образом: Борчи, Мухулай и Борохул; Зэлмэ, Чумэргэн и Шихихутаг; Зэв, Сорхоншар и Хархиру, т. е. в соответствии со своими дружескими пристрастиями. Зэва, Сорхоншара и Хархиру оставили караулить ставку, а в сопровождении остальных шести Чингисхан отправился на охоту. Они подстрелили горного козла и, пока разделяли его и жарили мясо, Чингисхану приснилось, что на них напали триста тайчиудцев с тремя черными знаменами [4, с. 89]. Проснувшись и вкушая мясо горного козла, он поведал свой сон шести витязям и спросил: «Если так случится, что делать?» [4, с. 89] Зэлмэ и Шихихутаг сказали: «Метнемся как соколы наперерез тем тремстам тайчиудцам и будем сражаться» [4, с. 89], — а Чумэргэн произнес: «Так как могу управлять государством, но не могу сражаться, если нападет так много врагов, буду спасаться бегством, думая о своей жизни» [4, с. 89]. Борчи, Мухулай и Борохул ответили, что если нападет так много врагов, то они окружают своего хана с трех сторон и будут сражаться до последнего [4, с. 89–90]. И вот, когда они поели мяса горного козла и отправились дальше, на них напали триста тайчиудцев с тремя черными знаменами, точно так, как было в ханском сне. В этом бою шесть витязей сражались так, как они говорили, и одержали победу. Чингисхан произнес восхваление своим шести витязям, а Борчи в ответ восхвалял Чингисхана [4, с. 90–98]. Таким образом, Борчи, Мухулай и Борохул защищали своего хана, не щадя жизни. Чумэргэн сбежал, а Зэлмэ и Шихихутаг хоть и не защищали своего хана, но сражались храбро.

⁶ Перевод по: [25, с. 70].

⁷ Перевод по: [25, с. 111].

Все это свидетельствует о том, что из девяти витязей Чингисхан больше всех доверял Борчи, Мухулаю и Борохулу. Они с детства были преданы Чингисхану и служили ему верой и правдой. В «Легенде» нашло отражение традиционное представление монголов о том, что самыми лучшими и преданными бывают только друзья детства, хотя на жизненном пути человеку встречается много товарищей. «Давши слово, держи», — говорят монголы. Доверие особенно важно для монгольских мужчин, сражавшихся в широких степях круглый год на территории с суровым климатом. Поэтому верность своему слову была одним из основополагающих принципов. Об этом свидетельствуют слова Зэв в «Повести». Зэв, признавший свою вину и однажды сказавший Чингисхану «Да», вместе с Борчи, Мухулаем и Борохулом всю жизнь был ему предан.

Таким образом, автор «Повести», прибегая к аллегорическому диалогу об алкоголе, иносказательно описал личности девяти витязей Чингисхана и показал, что Борчи, Мухулай и Борохул, дружившие с Чингисханом с детства, пользовались с его стороны наибольшим доверием. Историческая правда заключается и в том, что Зэв умел держать данное слово и посвятил все свои знания, умения и жизнь Чингисхану. Вместе с тем «Повесть» показывает будущим поколениям, что те пять министров, которые предлагают предаться винопитию и веселью, подрывают основы власти и могущества Великого хана и не являются его истинными друзьями. Из текста произведения можно сделать вывод о том, что бескорыстная дружба, неподвластная времени, — это дружба с детства.

Выше мы рассмотрели схему общения друг с другом девяти витязей во время пира в юрте хана (см. рис. 1). Чингисхан восседал в северной, самой почетной стороне юрты, а слева и справа от него сидели друг напротив друга девять витязей. Представляется, что место их встречи указывает на две важные вещи. Первая — иерархия внутри группы витязей. Это связано с тем, что у древних монголов был обычай устанавливать тот или иной ранг среди представителей степной аристократии, феодалов и ноёнов — сильных мира сего — в соответствии с совершенными подвигами. Из текста следует, что Чингисхан тоже определил ранг каждого из своих девяти витязей. Ни в одном другом историческом источнике или художественном произведении об этом не говорится. Поэтому можно считать, что «Повесть о споре мальчика-сироты с девятью витязями Чингисхана» имеет историческое значение.

Если взглянуть на факты древней монгольской истории, то все подвиги героев имели свою значимость. В соответствии с этой значимостью и устанавливалась иерархия среди представителей степной аристократии. Среди всех совершенных подвигов наибольшую значимость имели деяния, связанные с человеческой жизнью. Поэтому Чингисхан возвел в наивысший ранг первого министра Сорхоншара, спасшего его жизнь в юности [4, с. 37; 18, р. 31–34]. Такой вывод можно сделать на основании того, что именно ему первому предоставляется слово. Вторая важная деталь — в соответствии с монгольской традицией почитания сторон света следует рассмотреть, в какой стороне восседали пять витязей, ратовавших за винопитие, и четверо витязей, выступавших против алкоголя. Так, самой почитаемой стороной света считается восток — сторона восхода солнца. Традиция почитания сторон света у монголов соблюдается и по сей день не только на уровне семьи в обычной жизни, но и на уровне государства во время официальных церемоний. Ее можно проследить во время, например, соревнований по монгольской нацио-

нальной борьбе. Каждый борец во время государственных соревнований по борьбе стремится оказаться на восточной стороне. В монгольских народных сказках и легендах также прослеживается особое отношение к восточному направлению. Так как монголы с особым почтением относятся к востоку, то можно с уверенностью сказать, что наиболее влиятельные министры в юрте Чингисхана восседали с восточной стороны. Это были Мухулай, Борчи, Зэв и Борохул.

Отражение народной мудрости и мнения народа в делах государства в «Повести о споре мальчика-сироты с девятью витязями Чингисхана»

Во второй части «Повести», после того как девять витязей привели аргументы за и против винопития, слово с разрешения Чингисхана берет мальчик-сирота, сидящий у дверей юрты.

Если пить неразумно и много, не заболешь ли?
Если пить понемногу, то не радость ли это?
Если пьянствовать часто и много, то и сбеситься можно
Если привыкнуть к питью, то не обидно ли станет?⁸ [4, с. 158]

То есть если вообще не пить — это плохо, пить тоже плохо, поэтому следует пить в меру, — так рассуждает мальчик. Присутствовавший здесь же Чандага цэцэн разгневался, что мальчик-сирота произнес более мудрые слова, чем девять почтенных витязей Чингисхана.

Вообще, что за слова говоришь ты?
Все собравшиеся здесь не мудры, сказал ты,
Хану-владыке такие слова доложил ты.
Разве речи такие подходят для сироты?... [4, с. 159], —
так он нападает на мальчика, но тот не теряется и отвечает:

Разве я говорил, что слова девяти орлюков неверны?
Разве я говорил, что слова мои правильны?
Разве я говорил, что собравшиеся все не мудры?
В сказанном не преступал я приказа хагана-владыки... [4, с. 159]

Внимательно слушавший беседу Чингисхан в конце концов не одобряет слов Чандага цэцэна и признает слова мальчика самыми правильными из всех, сказанных его витязями. Так заканчивается «Повесть».

Здесь модель первой части (см. рис. 1) замещается моделью второй части (рис. 2).

«В этом произведении главным героем становится мальчик-сирота, сидевший у двери юрты вместе с Чингисханом и его девятью витязями во время пира. Можно

⁸ Здесь и далее перевод Н. П. Шастиной. См.: Повесть о споре мальчика-сироты с девятью витязями Чингисхана. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Mongol/Lunnij_svet/text9.phtml?id=12308 (дата обращения: 31.01.2022).

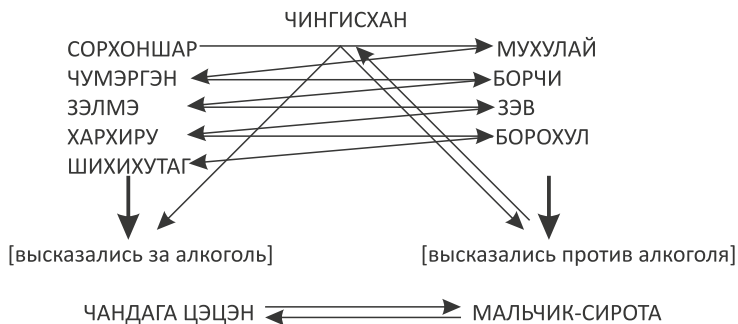

Рис. 2. Модель высказываний об алкоголе всех персонажей «Повести о споре мальчика-сироты с девятью витязями Чингисхана»

считать, это символом борьбы народа против феодалов... Народ выдвинул в качестве представителя своего класса мальчика-сироту и то, что мальчик здесь представлен более сильным, чем великие ханы и ноёны, является символом выражения нужд и чаяний народа» [12, с. 86]. «Когда министры Чингисхана отчаянно спорят друг с другом об алкоголе, в их спор встречается мальчик-сирота и не просто встречается, а отделяет правду от лжи и таким образом завоевывает любовь и уважение. Этот текст дает ясно понять, что характеры эксплуататоров и эксплуатируемых очень разные. ...мальчик-сирота побеждает министров своими словами и становится равным им, что, на наш взгляд, является отражением взглядов народа на прогресс и дальнейшее развитие» [3, с. 229–230].

Исследователи, изучившие эту часть текста, считают мальчика-сироту собирательным образом представителя народных масс. Мы придерживаемся такой же точки зрения. Однако возникают вопросы: почему именно сирота? Если это образ типичного представителя народа, то народ тоже сирота?

Больше половины из девяти министров (пятеро), державших бразды правления государством в своих руках, попали в число приближенных Чингисхана волей случая. И если их истинной целью было не служение народу, а личное обогащение, то народ действительно можно назвать сиротой — такой скрытый смысл, на наш взгляд, вложил автор в образ своего героя. Поскольку люди всегда имеют истинное представление о добре и зле, они придают большое значение тому, чтобы их слова были услышаны на высоком государственном уровне. Удивительно то, что их слова и представления о жизни всегда оказываются верными.

В «Повести» мальчик-сирота, прежде чем выступить, просит разрешения у Чингисхана сказать слово.

Ведь ты величавый, пресветлый наш августейший владыка,
 Заветные речи собравшихся здесь сказать было трудно.
 Ведь ты наш хаган пресветлый и величавый,
 Заветные речи всех собравшихся произнести было трудно [4, с. 157–158].

На долю мальчика выпала нелегкая задача — сформулировать и донести до власть имущих слова правды, исходящие изнутри народной жизни. Здесь автор текста критикует власть за то, что она не прислушивается к тому, что говорит на-

род. Если бы они слушали слова народа, то понимали бы, о чем тот говорит. Текст ясно дает понять, что и народ не научился доносить свои слова до власть имущих. В словах мальчика-сироты, олицетворяющего народ, есть несколько важных моментов. Во-первых, в том, чтобы в небольшом количестве употреблять вино, нет ничего плохого. Но нельзя пить слишком много. По возможности лучше вообще не пить. Во-вторых, для министров важно иметь общую цель, не расходиться во мнениях, быть беспощадными к врагам и милостивыми к своим, а также правильно руководить государством. В-третьих, министры не единодушны в своих взглядах, и то, что некоторые ставят личную выгоду и собственное удовольствие выше всего, будучи одержимыми ревностью и завистью, плохо сказывается на государственном управлении. Поэтому в иносказательной форме автор предлагает сплотить усилия и единодушно трудиться на благо государства, не поддаваясь пагубным идеям.

Как только мальчик-сирота закончил свою речь, чиновник Чандага цэцэн стал упрекать его за правдивые речи, которые не осмелились произнести даже девять министров. Но мальчик смело возражает высокому лицу. Анализируя этот спор, можно прийти к выводу о том, что Чандага цэцэн обрушивает свой гнев на мальчика-сироту, встрявшего в спор высокопоставленных лиц, а тот, не принимая ничью сторону, доносит свои правдивые слова до власть предержащих и силой своих слов сбивает спесь с высокого сановника. И если в словах Чандага цэцэна сквозит мысль о том, что слова кого-либо, подобного мальчику-сироте, не имеют воздействия на государственные дела, то мальчик-сирота говорит о том, что слова народа правдивы, к ним нужно прислушиваться и учитывать их, тогда и государство будет крепнуть.

В заключении Чингисхан произносит:

Воспитывая черноватую птицу,
Запускают птицу ястреба,
Увидев его, испугается и укроется,
На землю спустившись,
В мышиной норке схоронится.
Воспитывая птицу ястреба,
Запускают птицу харигун,
Увидав ее, высоко полетит,
Пристанет к огромному орлу [4, с. 161].

Тем самым Чингисхан осуждает слова Чандага цэцэна и поддерживает слова мальчика-сироты. В «Повести» говорится о том, что Чингисхан понимает важность мнения народа, необходимость прислушиваться к нему и учитывать его чаяния в государственных делах. Тогда государство будет сильным и крепким. Поэтому, на наш взгляд, «Повесть о споре мальчика-сироты с девятью витязями Чингисхана» представляет особую ценность, так как отражает определенный аспект истории монгольской государственности XIII в.

«Повесть о споре мальчика-сироты с девятью витязями Чингисхана»: особенности стихосложения

«Одна из особенностей монгольских исторических источников XVII–XVIII вв. состоит в том, что они представляют собой образец развития художественной словесности и стихосложения того периода» [26, с. 96]. Не менее важно и то, что на страницах исторических и литературных памятников XVII–XVIII вв. сохранились и дошли до нас художественные произведения XIII–XIV вв. Авторы хроник в то время распространяли их среди читателей в рукописном виде и при переписке сочинений XIII–XIV вв. адаптировали их к событиям и представлениям своего времени. Более поздние (XVII–XVIII вв.) исторические источники позволяют выявить особенности ранней поэтики и менталитета людей того времени (XIII–XIV вв.). Поскольку рассматриваемое нами сочинение имеет поэтическую форму, мы можем говорить об особенностях средневековой поэтики монголов.

Особенности рифмы и размера стиха

Все в мире имеет свои закономерности. Суть закономерности заключается в размере и соответствии. Поэзия — наиболее упорядоченный метрический вид литературы. Размер стиха определяется его ритмом и рифмой.

«Повесть о споре мальчика-сироты с девятью витязями Чингисхана» имеет стихотворную форму, подчиняющуюся определенным закономерностям. Хотя поэма может показаться просто рифмованными и ритмизованными диалогами девяти витязей, Чингисхана, Чандага цэцэна и мальчика-сироты, но ее автор явно стремился написать ее в едином литературном стиле. Следовательно, можно анализировать стихотворения из любой части произведения, но высказывания Зэлмэ, Шихихутага, Чингисхана и мальчика-сироты, на наш взгляд, наиболее отточены с художественной точки зрения. Поэтому представляется целесообразным проанализировать рифмо-ритмические закономерности монгольского стихосложения XIII в. на примере высказываний этих персонажей.

Uriyangqan-u Jelm-e / Урианхайский Джэлмэ [с тем согласился и молвил]:

Arakin darasun-i quriyala	Собравшись пить тарасун,
Anggir ɣalayun metü цууyala	Как серые гуси ведь радуемся!
Ali be küsel-iyen	Милых, хороших друзей своих
Qanulčan tarqayala	Принимаем и ведь веселимся! [4, с. 156]

Составим модель этой строфы⁹.

----- 0 - - 0 — 3 слова, 3 ударения; 9 кратких слогов, 2 долгих слога;

----- 0 — 3 слова, 3 ударения; 10 кратких слогов, 1 долгий слог;

----- 0 - — 2 слова, 2 ударения; 6 кратких слогов, 1 долгий слог;

----- 0 - — 2 слова, 2 ударения; 6 кратких слогов, 1 долгий слог.

⁹ Здесь и далее перевод Н. П. Шастиной. См.: Повесть о споре мальчика-сироты с девятью витязями Чингисхана. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Mongol/Lunnij_svet/text9.phtml?id=12308 (дата обращения: 31.01.2022).

Açitu törügßen qaγan ejen-i ene kesig-i	Это охрана святорожденного Богда-владыки
Anggir Ƴalaγun metü dayun-ıyan nigedçü	В криках своих, подобная лебедям-гусям, соединясь
Aγal-i maral metü jisüben neyilejü	В масти своей, как дикие кони-хуланы, смешавшись,
Amaray sayıqan nököd-ıyen abun jıryayala	Вместе все собрались, ведь, радуясь, веселимся! [4, с. 157]

Составим модель вышеприведенной строфы.

- — 6 слов, 6 ударений; 16 кратких слогов;
- 0 ----- — 5 слов, 5 ударений; 13 кратких слогов, 1 долгий слог;
- — 5 слов, 5 ударений; 14 кратких слогов;
- 0 ----- — 5 слов, 5 ударений; 15 кратких слогов, 1 долгий слог.

В монгольском языке ударение падает на первый слог. Значит, каждое монгольское слово имеет одно ударение. Поэтому в стихотворной строке имеется несколько ударений. Количество ударений совпадает с количеством слов.

В первой из приведенных выше строф количество слов, ударений и кратких и долгих слогов в первой и второй строке, а также в третьей и четвертой строке практически совпадает. Так, четыре строки, распадаясь на первую-вторую и третью-четвертую, создают ритм и размер. Хотя эта строфа состоит из четырех строк, но первая-вторая и третья-четвертая строки, создавая ритм и размер, по отдельности создают свои структуры, которые служат выражению идеи четверостишия. Во втором примере все четыре строки имеют единый ритм, размер и выражают одну общую идею. На примере этих двух четверостиший можно сделать следующий вывод о монгольской поэтике XIII в.: в поэзии этого периода преобладали четверостишия, и четыре строки внутри каждой строфы, распадалась на две и создавали свой ритм и размер. Также встречались единые четырехстрочные структуры, выполнявшие общую функцию в целях выражения сложной идеи. В каждом четверостишии «Повести» предпринята попытка уравновесить количество слов, ударений, кратких и долгих слогов в соответствии с этим принципом, что свидетельствует о силлабо-тонической системе стихосложения. Об этой особенности монгольского стихосложения говорят исследования А. М. Хамгашалова [27, с. 45–52], Г. О. Туденова [28, с. 120–163], Д. Цэдэва [29, с. 79–145], Л. К. Герасимович [30, с. 113–121], Д. Цэрэнсоднома [31, с. 57–76], Л. Тудэва [32, с. 329–425].

Особенности рифмы и стихов

«Повесть о споре мальчика-сироты с девятью витязями Чингисхана» написана в поэтической форме в виде диалогов, построенных по принципам разговорной речи. Поэтому ритм и рифма этих стихов очень своеобразны. Вспомним слова Зэлмэ и Шихихутуга, приведенные в качестве примера в предыдущем разделе.

Каждая из этих строф состоит из четырех строк, и если наблюдается точное или приблизительное созвучие начальных звуков или слогов, то должно наблюдаться и точное или приблизительное созвучие концовок. Так, из 177 строк сочинения большинство, или 144 строки, соединены по четыре, и в них представлены различные принципы аллитерации (полная аллитерация АААА, параллельная аллитерация ААББ, разветвленная АБАБ и кольцевая АББА). Наблюдается также точное или приблизительное созвучие концовок. 30 из оставшихся 33 строк представляют собой двустихия, а три строфы — трехстишия. Это свидетельствует о том, что строфическая система древнего монгольского стиха была относительной.

Большинство из 36 строф в четыре строки (30 строф) на первый взгляд выглядят как четыре строки, но на самом деле это две строки одного образца или четыре строки в виде двух удвоенных.

Arakin darasun-i quriyala
Anggir yalayun metü üçuyala

Собравшись пить тарасун,
Как серые гуси ведь радуемся!

Эти две строки состоят каждая из трех слов и трех ударений, что создает единый ритм и размер. Начала строк связаны гласной «А», в то время, как концовки созвучны по двум слогам *yala*. Это силлабо-тонические стихи.

Ali be küsel-iyen
Qanulčan tarqayala!

Милых, хороших друзей своих
Принимаем и ведь веселимся!

В этих двух строках изменено количество слов, слогов и ударений исходя из выражаемого ими смысла, но на самом деле они тоже подчинены единому принципу. Это свидетельствует о том, что в древности в монгольском стихе строки в строфе располагались попарно и существовала как начальная, так и конечная рифма.

Стихи сохраняют особенности менталитета создавшей их нации, а проявляется это посредством языковых закономерностей. В этом смысле в поэтике «Повести» аллитерация имеет две основные характеристики. Во-первых, особенностью монгольского национального менталитета является то, что монголы особенно ценят начало чего-либо, поэтому первые слова поэтических строк крепко связаны начальными слогами. Во-вторых, в монгольском языке ударение падает на первый слог. Так как ударение падает на первую гласную, то слова, начинающиеся с гласных, произносятся более четко, что определяет стихотворный ритм. Ударение в словах, начинающихся с согласных, падает на первый слог, что требует идентичного ударения в предыдущей и последующей строках. Поэтому основным принципом монгольского стихосложения является аллитерация. Об этом писали многие исследователи, занимавшиеся изучением принципов монгольского стихосложения: «Рифма в монгольском стихе определяется аллитерацией в парных строках» [33, с. 28]; «Стоит только услышать или прочесть монгольское стихотворение, сразу узнаешь принцип аллитерации» [32, с. 389]. Из 177 строк «Повести» 140 строк (80 %), рифмуются по принципу аллитерации, а 70 строк (примерно 40 %) имеют конечную рифму. Это свидетельствует о том, что в монгольском стихосложении аллитерация играет главенствующую роль, а конечная рифма — второстепенную.

В строфах «Повести» встречается и нечетное количество строк. Например, Чингисхан обращается к мальчику-сироте следующим образом:

Üge-tei bolbasu öcïjü	Если есть что сказать, говори же.
Qosing-tai bolbasu qolbaju	Если хочешь шутить, скажи складно.
Үайүйи ке.	Все равно говори [4, с. 158].

Смысл этих строк таков: «Если хочешь сказать, говори, если есть две строки, срифмуй их». Иными словами, «прозой говори или стихами, сложив строки попарно». Древние монголы называли стихотворную речь парными строками, рифму в которых создавала аллитерация.

Заключение

Проанализировав скрытые смыслы и принципы стихосложения «Повести о споре мальчика-сироты с девятью витязями Чингисхана», которая содержится в исторических источниках «Золотое сказание» Лубсан Данзана (1655) и «Хрустальные четки» Рашипунцага (1774–1775), мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, «Повесть» введена в научный оборот и представлена широкому кругу читателей только в XX в. Большой вклад в ее изучение внесли русские и советские ученые А. М. Позднеев, С. А. Козин, Н. П. Шастина [6, с. 42–46; 7, с. 169–173; 9, с. 127–139], немецкий исследователь В. Хайссиг [8], а также монгольские ученые Ц. Дамдинсурэн, Ш. Гаадамба, Д. Цэрэнсодном [3, с. 229–232; 12, с. 86–88; 15, с. 3–22]. Они изучили художественные особенности произведения, проанализировали спор об алкоголе. Ими было высказано предположение, что в споре об алкоголе содержится иной, скрытый, смысл.

Во-вторых, проанализировав исторические источники начиная с историко-литературного памятника «Сокровенное сказание монголов», мы изучили происхождение девяти витязей Чингисхана, то, как каждый из них получил свой высокий титул, когда скончался, и, сопоставив с содержанием «Повести», пришли к выводу о том, что в ней рассказывается о событиях 1206–1207 гг.

В-третьих, через дискуссию Чингисхана со своими девятью сподвижниками о пользе и вреде алкоголя автор передал истинную сущность каждого из министров.

В-четвертых, это произведение сохранило для нас внутреннюю иерархию чинов империи Чингисхана. Эта иерархия отражает возраст и вклад каждого из девяти витязей в дело становления Великой Монгольской империи и в судьбу самого Чингисхана. Иерархическая последовательность такова: Сорхоншар, Мухулай, Чумэргэн, Борчи, Зэлмэ, Зэв, Хархиру, Борохул и Шихихутаг.

В-пятых, монголы с давних времен почитали восток. Эта традиция сохранилась и по сей день. Девять витязей Чингисхана сидели в его юрте друг напротив друга: в восточном крыле самые доверенные Мухулай, Борчи, Зэв и Борохул, а в западном крыле — пользовавшиеся меньшим доверием Сорхоншар, Чумэргэн, Зэлмэ, Хархиру и Шихихутаг.

В-шестых, в «Повести» в художественной форме отражена связь между высшими государственными министрами, чиновниками среднего звена и простыми людьми.

Иными словами, высшие государственные министры принимают конкретное решение. Оно искажается чиновниками среднего звена, что показано через образ Чандага цэцэна. Слова мальчика-сироты доказывают, что всю тяжесть исполнения вредоносных решений чиновников среднего звена берет на себя простой народ. В произведении подчеркивается важность воплощения в государственных делах нужд и чаяний народа, который, несмотря на страдания и тяготы, правдив в словах и делах.

В-седьмых, «Повесть» сохранила многие черты монгольской поэтической системы XIII в. Строки каждой строфы рифмуются между собой, имеют сходный ритм, размер и ударение. Это силлабо-тоническая система стихосложения. Она характеризуется аллитерацией и конечной рифмой. Причем аллитерация имеет главенствующее значение, а конечная рифма — второстепенное. Принцип аллитерации в стихосложении связан с особенностью национального менталитета монголов, всегда придававших большое значение началу чего-либо. К таким особенностям можно отнести и ударение, которое в монгольских словах всегда падает на первый слог, что непременно надо было учитывать автору «Повести».

Литература

1. Монголын нууц товчоо [Сокровенное сказание монголов]. Улан Батор: УХГ, 1990. 255 х. (На монгол. яз.)
2. Владимирцов Б. Я. Монгольская литература // Литература Востока. 1920. Вып. 2. С. 96–99.
3. Цэрэнсодном Д. Монголын уран зохиол (XIII–XX зууны эхэн) [Монгольская литература XIII — начала XX вв.]. Улан Батор, 1987. 479 х. (На монгол. яз.)
4. *Blò bsang bsdan kjin (Lubsangdanjin)*. Erten-ü qad-un ündüsülegsen törü yosun-u jokiyal-i tobčilan quriyausan altan tobči kemekü orusibai [Золотая книга, сокращенная версия древних теологических текстов] // Монгол улсын Үндэсний Номын Сан [Монгольская национальная библиотека]. Шифр 24/63. X. 10–161. (На монгол. яз.)
5. *Rasipingsuy*. Dai Yuwan ulus-un Bolor erike kemekü bičig. Terigün debter [Сутра под названием Хрустальные четки государства Дай Юань. Первая тетрадь.] // Монгол улсын Үндэсний Номын Сан [Перевод]. Шифр 1433/96. X. 8–58. (На монгол. яз.)
6. Позднеев А. М. Монгольская хрестоматия для первоначального преподавания. СПб.: Изд. факультета вост. яз. Имп. СПб. ун-та, 1900. 415 с.
7. Козин С. А. Фрагмент из цикла эпических сказаний о Чингисе // Ученые записки ЛГУ. 1938. № 20. С. 169–173.
8. Heissig W. Bolur Erike. «Eine Kette aus Bergkristallen», Eine mongolische Chronik der Kienlung-Zeit von Rasipingsuy (1774/75) // Literatur historisch untersucht. Peiping: Fu-jen University, 1946. S. 62–67. (Monumenta Serica. Monograph X).
9. Шастина Н. П. Повесть о споре мальчика-сироты с девятью витязями Чингисхана // Страны и народы Востока. Вып. XI. М.: Наука, 1971. С. 127–139.
10. Лубсан Данзан. Алтан тобчи (Золотое сказание) / пер. с монгол., введ., коммент. и прил. Н. П. Шастиной. М.: Наука, 1973. 440 с. (Памятники письменности Востока. Т. X).
11. Cinggis qahan-u čedik [Цадиг Чингис хана]. Begejing, 1925. 10 х. (На монгол. яз.)
12. Дамдинсүрэн Ц. Монголын уран зохиолын тойм. Тэргүүн боть [История монгольской литературы. Первый том]. Улан Батор: УХГ, 1957. 151 х. (На монгол. яз.)
13. *Damdinsürüng Ce*. Mongyol uran jokiyal-un degeji jaγun bilig orusibai [Сто избранных произведений монгольской литературы]. Ulaγanbayatur: УХГ, 1959. 601 с. (На монгол. яз.)
14. Iuban ulus-un sudur. 118 duγar debter. 1928 on [Сутра Империи Юань Тетрадь 118. 1928 год]. 10 х. (На монгол. яз.)
15. Гаадамба М. Чингис Богдын есөн өрлөгтэй өнчин хүүгийн цэцэлсэн шастирын түүхэн үндсийн асуудал [К вопросу об исторических корнях Повести о споре мальчика-сироты с девятью витязями Чингисхана]. Улан Батор: УХГ, 1990. 100 х. (На монгол. яз.)

тью витязями Чингис Богдо] // Монголын судлал VII боть. 2 дугаар дэвтэр. Улан Батор: УХГ, 1969. Х. 3–22. (На монгол. яз.)

16. *Лувсанзандан*. Эртний хаадын үндэслэсэн төр ёсны зохиолыг товчлон хураасан Алтан товч хэмээх оршвой. Гэрэл зургийн эх. Оршил бичиж хэвлүүлсэн Ш. Бира [Золотая книга, сокращенная версия древних теологических текстов. Фото копия. Предисловие Ш. Биры]. Улан Батор: УХГ, 1990. 177 х. (На монгол. яз.)

17. *Лувсанзандан*. Эртний хаадын үндэслэсэн төр ёсны зохиолыг товчлон хураасан алтан товч хэмээх оршвой. Эх бичгийн цогц судалгаа хийсэн доктор. (Sc.D), профессор Шаравын Чоймаа [Золотая книга, сокращенная версия древних теологических текстов. Исследование источника профессора Ш. Чоймы]. Улан Батор: УХГ, 2011. 760 х. (На монгол. яз.)

18. *Rachewiltz Igor De*. Index to the Secret History of the Mongols. Bloomington: Indiana University, 1972. 296 p.

19. Хаадын үндсэн хураангуй алтан товч. Эх бичгийн цогц судалгаа хийсэн Ш. Чоймаа [Золотая книга, сокращенная версия древних теологических текстов. Исследование источника профессора Ш. Чоймы]. Улан Батор: УХГ, 2011. 204 х. (На монгол. яз.)

20. Эртний монголын хаадын үндэсний их шар тууж. Эх бичгийн судалгаа хийсэн С. Чулуун, Ш. Цэрэндоо [Желтая история, версия древних теологических текстов. Исследование источника С. Чулуна и Ш. Цэрэндоо]. Улан Батор: УХГ, 2011. 5 х. (На монгол. яз.)

21. *Sagang Secen*. Erdeni-yin tobci [Драгоценная книга] // Monumenta Historica. T. I Ulaanbaïator: УХГ, 1961. X. 4–127. (На монгол. яз.)

22. *ВJams-ba*. Asaraγūci neretü-yin teūke [История Асарагчи] // Monumenta Historica. T. II. Ulaanbaïator: УХГ, 1960. X. 14–85. (На монгол. яз.)

23. *Рашид-ад-дин*. Сборник летописей. Т. 1, кн. 2 / пер. с перс. О. И. Смирновой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 131 с.

24. *Инжаннаши В*. Хөх судар. I боть. Монгол бичгээс хөрвүүлэн оршил бичиж, тайлбар зүүлт хийсэн Ш. Чоймаа, М. Баярсайхан [Синяя сутра. Том 1. Переложение со старомонгольского и комментари Ш. Чоймы и М. Баярсайхана]. Улан Батор: Монсудар, 2009. 135 х. (На монгол. яз.)

25. *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Monggol-un niγuša tobciγan. Юань чао би ши. Монгольский обыденный сборник. Т. I. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 619 с. (Труды Института востоковедения АН СССР. Т. XXXIV).

26. *Дамдинсүрэн Ц., Цэнд Д.* Монголын уран зохиолын тойм. II дэвтэр. [История монгольской литературы. Том 2]. Улан Батор: УХГ, 1976. 305 х. (На монгол. яз.)

27. *Хамгашалов А. М.* Опыт исследования бурят-монгольского стихосложения. Улан-Удэ: БКИ, 1940. 114 с.

28. *Туденов Г. О.* Бурятское стихосложение. Улан-Удэ: БКИ, 1958. 76 с.

29. *Цэдэв Д.* Монгол яруу найргийн уламжлал шинэчлэл [Традиции и новаторство в современной монгольской поэзии]. Улан Батор: УХГ, 1974. 182 х. (На монгол. яз.)

30. *Герасимович Л. К.* Монгольское стихосложение. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. 128 с.

31. *Цэрэнсодном Д.* Монгол шүлгийн онол түүхийн зарим асуудал [Некоторые вопросы теории и истории монгольского стиха]. Улан Батор: УХГ, 1977. 172 х. (На монгол. яз.)

32. *Түдэв Л.* Шүлэглэсэн тууль [Сказания в стихах]. Улан Батор: УХГ, 2002. 488 х. (На монгол. яз.)

33. *Ринчен Б.* Монгол шүлгийн учир [Проблемы монгольского стиха]. Улан Батор: УХГ, 1970. 306 х. (Studia Linguae et Litterarum. T. VIII, Fase 2). (На монгол. яз.)

Статья поступила в редакцию 1 февраля 2022 г.,
рекомендована к печати 8 июня 2022 г.

Контактная информация

Галбаяр Гомбосурэн — канд. филол. наук; galbayar0880@gmail.com

The Hidden Meanings and Poetic Features of the Treatise “Činggis-un yisün örlüg-tei öničin köbegün-ü ččelegsen šastir”*

G. Galbayar

National University of Mongolia,
1, ul. Universitetskaya, Ulan Bator, 14200, Mongolia

For citation: Galbayar G. The Hidden Meanings and Poetic Features of the Treatise “Činggis-un yisün örlüg-tei öničin köbegün-ü ččelegsen šastir”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 2022, vol. 14, issue 3, pp. 488–506. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2022.307> (In Russian)

The extant variants of the now-lost treatise *Činggis-un yisün örlüg-tei öničin köbegün-ü ččelegsen šastir* are attested in the 17th–18th century Mongolian historical chronicles *Altan Tobči / The Golden Chronicle* (1655) by Lubsangdanjin and the *Bolor Erike / “Crystal Rosary”* (1774–1775) by Rasipungsuḡ. This article addresses the history of transmission, translations, and studies of this text, and demonstrates that the *Činggis-un yisün örlüg-tei öničin köbegün-ü ččelegsen šastir* is not merely an account of Chinggis Khan’s discussion with his nine high officials about the benefits and evils of alcohol, but contains deeper hidden meanings. Specifically, this paper offers the following four findings: First, based on comparison with Mongolian historical sources, this paper clarifies the origins of Chinggis Khan’s nine high officials, how they befriended Chinggis Khan, their merits and accomplishments, and their deaths. Based on these sources, we have determined that the events described in the *Činggis-un yisün örlüg-tei öničin köbegün-ü ččelegsen šastir* date to 1206–1207. Second, this paper discusses the hidden meaning that Boörchu, Muḡali, Boqorul, Jebe, who wish to abstain from alcohol and diligently perform their duties, befriended Chinggis Khan in their childhood without seeking any benefit, were fully trustworthy officials, whereas Sorḡan-Shira, Jelme, Yelü Chucai, Qara Kiru and Shigi-Qutuqu — who, in their own words, wish to drink alcohol and revel — befriended Chinggis Khan later out of self-benefit, and were untrustworthy officials. Third, the paper discusses the symbolism of the order of the speakers’ words on alcohol as it relates to the ranks of Chinggis Khan’s officials, as well as Mongolian cultural symbolism relating to directions. Fourth, based on the debate in the text between the orphan boy, wise nobleman Chindagha, and Chinggis Khan, this paper discusses the fact that one reason Chinggis Khan’s state was powerful is that he listened to average people and he was able to reflect their ideas in national affairs. Fifth, this paper demonstrates that the text retains important features of deep hidden meaning and poetic verse characteristic of 13th century Mongolian literature.

Keywords: Lubsangdanjin, *Altan Tobchi*, Chinggis Khan, nine officials, Orphan Boy, Wise Nobleman Chindagha, hidden meaning, Mongolian poetry.

References

1. *Secret History of the Mongols*. Ulan Bator, 1990. 255 p. (In Mongolian)
2. Vladimirtsov B. Y. Mongolian Literature, *Oriental Literature*, 1920, vol. 2, pp. 96–99. (In Russian)
3. Tserensodnom D. *Mongolian Literature (XIII — the beginning of 20th century)*. Ulan Bator, 1987. 479 p. (In Mongolian)
4. *An abbreviated form of ancient literature, the Golden Button*. Mongolian National Library, Cipher 24/63. pp. 10–161. (In Mongolian)
5. Rasipungsuḡ. *State Crystal Erikhe inscription*. Vol. 1. Mongolian National Library, Cipher 1433/96. pp. 8–58. (In Mongolian)
6. Pozdneev A. M. *Mongolian Reader for Primary Teaching*. St Petersburg, Imperial St Petersburg University Publ., 1900. 415 p. (In Russian)

* Translation from Mongolian by Petrova Maria P, PhD in Philology, St Petersburg State University (mariap2001@mail.ru)

7. Kozin S. A. *Fragment from the cycle of epic tales about Genghis*. Scientific notes of Leningrad State University, 1938, no. 20, pp. 169–173. (In Russian)
8. Heissig W. Crystal Erikhe. “A Chain of Rock Crystals”, A Mongolian chronicle of the Kienlung period by Rasipungsuy (1774/75). *Literature historically examined*. Peiping, Fu-jen University, 1946, pp. 62–67. (Monumenta Serica. Monograph X).
9. Shastina N. P. The Story of the Dispute of an Orphan Boy with Nine Knights of Genghis Khan. *Countries and peoples of the East*. Issue XI. Moscow, Nauka Publ., 1971, pp. 127–139. (In Russian)
10. *The Golden Button (The Golden Story)*. Transl. from Mongolian, Introduction, Commentaries and Appendix by N. P. Shastina. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 4–19. (In Russian)
11. *Genghis Khan's tsadig*. Begejing, 1925, pp. 138–147. (In Mongolian)
12. Damdinsuren Ts. *Review of Mongolian literature*. Vol. 1. Ulan Bator, 1957. 151 p. (In Mongolian)
13. Damdinsuren Ts. *Hundred Wisdoms of Mongolian Literature*. Ulan Bator, 1959. 601 p. (In Mongolian)
14. *Yufan State Sutra*. Vol. 118. 1928, pp. 19b–28b. (In Mongolian)
15. Gaadamba M. On the Historical Basis of the Flourishing Story of Chinggis Bogd's Nine-story Orphaned son. *Mongolian Studies*, vol. VII, book 2. Ulan Bator, 1969, pp. 3–22. (In Mongolian)
16. *The Golden Button, a Summary of the Official Writings of Ancient Kings*. Original photo. Introduction by Sh. Bira. Ulan Bator, 1990, pp. 1–177. (In Mongolian)
17. *The Golden Button, a Summary of the Official Writings of Ancient Kings*. Choimaa Sharav, Professor (Sc.D), Professor, conducted a comprehensive study of the text. Ulan Bator, 2011. 760 p. (In Mongolian)
18. Rachewiltz Igor De. *Index to the Secret History of the Mongols*. Bloomington, 1972. 296 p.
19. *The Main Summary of Kings is the Golden Button*. Sh. Choimaa, who conducted a comprehensive study of the text. Ulan Bator, 2011. 204 p. (In Mongolian)
20. *The Great Yellow Novel of the Ancient Mongolian Kings*. S. Chuluun and Sh. Tserendoo conducted the text research. Ulan Bator, 2011, pp. 21–25. (In Mongolian)
21. Sagang Secen. Gemstone Button. *Monumenta Historica*, vol. I. Ulan Bator, 1961, pp. 4–127. (In Mongolian)
22. BJam-sba. History of Asaragchi. *Monumenta Historica*, vol. II. Ulan Bator, 1960, pp. 14–85. (In Mongolian)
23. Rashid ad-din. *Collection of Annals*, vol. I, book 2. Transl. from Persian by O. I. Smirnova. Moscow; Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1952. 131 p. (In Russian)
24. Injinnashi B. *Blue Scripture*. I bot. Sh. Choimaa and M. Bayarsaikhan translated the Mongolian text and wrote an introduction and commentary. Ulan Bator, 2009. 135 p. (In Mongolian)
25. Kozin S. A. *The secret legend. The Mongol chronicle of 1240 under the title Mongol-un nihuča tobčijan. Yuan chao bi shi. The Mongolian everyday Izbornik. Vol. I. Introduction to the study of the monument, translation, texts, glossaries*. Moscow; Leningrad, Academy of Sciences USSR Publ., 1941. 619 p. (Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences USSR, vol. XXXIV).
26. Damdinsuren Ts., Tsend D. *Review of Mongolian literature. Book II*. Ulan Bator, 1976. 305 p. (In Mongolian)
27. Khamgashalov A. M. *Experience in the study of Buryat-Mongolian Versification*. Ulan-Ude, 1940. 114 p. (In Russian)
28. Tudenov G. O. *Buryat Versification*. Ulan-Ude, 1958. 76 p. (In Russian)
29. Tsedev D. *Mongolian Poetry Tradition and Innovation*. Ulan Bator, 1974. 182 p. (In Mongolian)
30. Gerasimovich L. K. *Mongolian Versification*. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1975. 128 p. (In Russian)
31. Tserensodnom D. *Some Issues of the History of Mongolian Poetry Theory*. Ulan Bator, 1977. 172 p. (In Mongolian)
32. Tudev L. *Poetic epic*. Ulan Bator, 2002. 488 p. (In Mongolian)
33. Rinchen B. *Cause of Mongolian Poetry*. Ulan Bator, 1970. 306 p. (Studia Linguae et Litterarum, Vol. VIII, fase 2). (In Mongolian)

Received: February 1, 2022

Accepted: June 8, 2022

Author's information

Gombosyryn Galbayar — PhD in Philology; galbayar0880@gmail.com